Ксения Савельева,

+7-911-706-07-84

kseninteatrtext@gmail.com

Баба.

Документальная пьеса.

Деревенский дом. Темный, промозглый ноябрь Ленинградской области.

В лесу уже лежит первый снег.

В деревне мало жилых домов в это время.

В домике по улице Советской горит свет.

На этом участке нет собаки. Зато есть два рыжих кота и баба.

Бабе уже за 90.

Она сидит в своем кресле. Вокруг кресла есть все, что ей может понадобиться. Столик, на котором сканворды, очки и пульт от телевизора. К бокам кресла нашиты карманы, в которых разные мази – те, которые и правда нужны и те, которыми вряд ли баба что-нибудь уже намажет. Еще в карманах ручки, некоторые из них уже не пишут. Щипчики и пилочки для ногтей, расческа и много другой нужной и ненужной всячины. Повсюду маленькие тряпочки на случай чего-нибудь вытереть.

Рядом стоят ходунки.

Баба сидит в своем кресле. По телевизору крутится диск с видео, на котором баба моложе на 30 лет. Звук выкручен почти на максимум.

Баба:

И почему мы никогда вишню здесь не пробовали сажать? Может, и прижилась бы, кто знает. А раньше то, на родине, в Воронежской областиииииии. Ой! Какая вишня была! Как поспеет, продавали ее. Вишни такие сладкие, вкусные. Но мы то ее не ели, все на продажу. Если бы мачеха увидела, что мы едим ягоды, ой не знаю. Собирали ее ведрами, заказывал у нас, покупали. А я на прутик заберусь по весне, вишня же деревьям растет, а я заберусь на молодой побег, на прутик, удерживаюсь, насобираю молодые листочки. Вот объедение было! Молодые то листья по вкусу сами вишневые, сочные.

Вот такой голод был.
Речка у нас серьезная была. А рыбы-то в ней сколько было!
А я захочу есть, а есть нечего. Прутик вырежу. А дедушка нам не разрешал никакие прутики особо брать, потому что он корзины всякие плёл.
Прутик маленький
ниточку с катушечкой привяжу
крючочек опущу
дёрг, дёрг, дёрг
раз, одну в рот
раз раз, вторую в рот
раз раз раз, третью в рот
Не могу вспоминать даже. Не почищенную, не мытую. Так, сырую. Прямо с крючка: одну, другу, следующую. Пока не наемся, не отойду от берега. Наелась, смотала свою удочку и пошла.
Как кошка дворовая, ужас.

По телевизору видео, на котором баба на 30 лет младше. Там ей чуть за 60. Там золотая осень, у бабы на даче почти вся семья – сын с детьми. Дед бабы уже помер. Баба чистит рыбу, которую наловил ее младший сын, чтобы отдать им в город. На видео очень шумно. Дети играют, маленькая собачка постоянно лает от радости. Взрослые в хлопотах, раздраженные, говорят на повышенных тонах. То ли они опаздывают, то ли устали друг от друга, уже не разберешь.

Дети играют и один из них случайно наступает на лапку щенку, тот начинает истошно вопить. Взрослые истошно орут на девочку, которая это сделала случайно в игре. Очень громко ругают девочку, называя на всякий случай всех детей «балбесами» и «оболдуями». Сейчас эти слова кажутся какими-то шуточными. Но на видео дети испуганы и расстроены, а взрослые взбешены. Баба берет своими рыбными руками собачку и дует ей на лапку.

Помню, что я тогда подумала: какая гадость, теперь щенок будет вонять рыбой.

Баба:

Село наше было громадное, как городское. У нас все было абсолютно в нашем селе. И поликлиника, и роддом, и больница, и милиция. И тюрьма. Папа в ней сидел. Близко, очень удобно. И всякие учреждения, магазины всякие разные.

Назывался Левая Россошь.

Паспорт как получила 16ти лет, так сразу уехала. Мачеха меня спровадила. Сказала: «Уезжай как можно дальше от дома. А то будешь ко мне по выходным приезжать, объедать». Все ведь в городе работали. Город-то рядом. Воронеж. Ой, сколько там предприятий. Какой он промышленный. Там в то время все заборы были обклеены, мол принимаются в любое ПТУ. На кого хочешь, иди учись.

Мама умерла, когда мне 7 месяцев было. А папу в 36-м арестовали и посадили по сталинским заветам. Это мне было 5.

Мачеха меня выпроводила вот так, внезапно, с вечера приготовила, сказала, иди на станцию не селом, не улицей, а оврагом, чтобы никто не видел. Так я мимо дедушкиного дома и ушла. Так бы, может, он меня бы и остановил, да не увидел.

На вокзале сидела, а на Питер поезд ходил один в сутки. И я сидела там голодная. И ждала этого поезда.

Нет, чтобы мне на электричку сесть – полчаса и я в Воронеже. Но я не додумалась, ждала поезд к сестре. Она уже тогда сварщицей работала на Кировском заводе.

Приехала к ней. А она только первую получку получила хорошую и купила впервые в жизни, я не забуду, кашемировое платьице и осеннее пальтишко.

Я как пришла – она обалдела.

- А как мы теперь? – спрашивает.

- Ну вот как-то так, надо теперь вдвоем жить – отвечаю

И продала и платьице, и пальтишко. Сразу продала.

Вот на Кировский завод я тогда и устроилась. 16 лет мне было, получается.

Когда мне было 16 я уже не очень любила ездить на дачу.

Во мне шарашили гормоны, я выглядела полноватой, у меня были прыщи на лице. На даче считалось нормальным отвалить пару комментариев на тему моей фигуры. Спросить у меня типа: ой, у тебя что, прыщ? Я все время думала про себя: а ты что, не видишь, сомневаешься, точно ли это прыщ?

Баба часто давала мне советы, что мне делать с полнотой – сколько раз прыгать на скакалке, когда бегать, чем заниматься. Всегда она прибавляла какой тростиночкой была сама, что прыгала, как кошка, в шпагат с разбегу. И всегда приговаривала, что это сейчас она растолстела. И еще приговаривала, что при этом ничего и не ест, что главное для нее – это хлеб и трава с огорода.

Сейчас я слышу в этом так много неловкости за себя, наверное, даже вину за хороший аппетит. Ведь бабушка всегда ела, и есть до сих пор, очень хорошо: и мясо пожирнее, и майонез в салат, и горчичку на хлеб, и булку с сахаром к чаю. но почему-то каждый раз говорила, что ей не нужно ни мясо, ни сладости.

Сейчас я слышу все это хрупкое.

В 16 я была очень глуха, зла и ненавидела приезжать к бабе.

На видео мне примерно 5, моим братьям чуть больше, и нам просто обидно, что на нас все орут – и баба, и папа.

Баба:

Папа мой не простой работяга был. У него был большой портфель. Одно время он работал в Ростове-на-Дону, а на выходные приезжал домой.

Как приедет к нам, привозит конфеты. Мы сразу поднимаем подолы, он насыпет нам по подолу целому. Мачеха сразу ругается, ну она права, конечно, была. Мол, ну зачем ты столько сразу даешь-то? Положи потом и дай.

Потом он в нашем селе работать стал. А село-то у нас было большое, его напополам перегораживал большак на станцию, да на вокзал, в другие села по мосту через реку. Большак – это дорога.

Ну и вот, нужен был человек на ту сторону. Там не нашлось никого. И коллега как бы отца моего стал упрашивать, чтобы тот согласился пойти на ту сторону работать, чтобы самому тут остаться. Мол, он еще и не местный сам, а отец мой, Иван Федорович, мол, всех знает, ему сподручнее будет.

Ну как это? Отец мой вот именно – тут родился, тут работал, жена у него тут, дети маленькие. В любое время он домой забежал, что-то сделал, как-то помог, а ему предлагают на другой стороне реки работать! Кто захочет? Ну, он отказался, конечно.

А он был такой юморной. Отец то мой. Он как бы был артист. По вечерам собирал бабок всех. Какие он сказки им рассказывал, какие частушки пел! Его так любили все. А дети, как только появится на конце улицы, дети все голопом к нему. Он кого подбросит, кому мяч, кому чего.

Отец-то был юморист, да холода не боялся. Это вот я вся в него. Он круглой зимой, а у нас морозы был под сорок, пальто не застегивал. И манера у него была, рубаху в ремень не совал. Как поест, сразу поднимает рубаху, хлопает по пузу, говорит: «Натрескался, как попов щенок». Как сейчас помню. Юморной был такой.

Однажды пошли они обедать. Отец приходит с обеда, а он уже сидит. Его коллега то. Отец как всегда: «Натрескался, как попов щенок.

Только сел.
Пять минут.
Двое солдат с винтовками, наручники.
Куда, что?
Ни слова.
Они его тащат, увозят. У нас тут же милиция, тюрьма тут же была. Он уговаривает: «Вот я рядом зайду, у меня трое маленьких детей, жена больная, неизлечима». Не разрешают. Он не уговорил их, а тут бежит какой-то мальчик знакомый. Он ему крикнул, мол, побеги, скажи Кате моей, что меня увозят. В тюрьму.

Так вот мы и узнали.

Этот щенок на видео не прожил с нами долго. Один раз, мы уезжали с дачи машине, он увязался за нами. Баба не удержала его. Мы не остановились, надеялись, что он вернется

домой. Но, он не вернулся и пропал. Видимо, умер где-то в лесу. Больше собак мы не заводили.

Баба:

У мачехи от отца был сын Васька. Малехонький совсем. А до него мне кажется, у нее было два выкидыша. Ну это как я помню. Отец как-то прибегает с работы, она лежит в постели. Он раздевается, засучил рукава, подбегает к ней, вытаскивает кровавые простыни из-под кровати. Я такая крохотная была, а уже заподозрила чего-то не то.

А второй раз она вот с таким брюхом была. А деревня есть деревня, скотины полно. И в печке варили мясо, картошку. И как сейчас помню, она полезла туда, ухватом-то чугунным сняла еду, что там варилось, поставила и заохала.

А дедушка у нас был, царство небесное, он все время нам помогал. помогал ей нянчить нас. А мы были рады. Нам нравилось, мы как придём к ним, нам на полу постелят, мы кувыркаемся, родёхоньки.

Она тогда родила двойню мертвых после того, как тяжелое из печки вытащила. Но я думаю, они были живые. Я так помню. Ну а как в деревне вот так лавка стояла, а в углу иконы. А тут стол.

Мы садились. Ну, а я была любопытная.

Ну, мать тут дома. Ну, и щей нам в глиняной миске, ложки деревянные. Я первая сижу, а двойняшки лежат вот так в уголочке головкой к стенке, тряпочкой прикрытые. Вот. Я смотрю, она около печки что-то возится.

Я раз в тряпочку. Слушай, а Вовка-то! Она их назвала заранее Володей и Любой. Вот, а Вовка-то рот открывает. Он, наверное, есть хочет. Сестра говорит, а ты дай ему щей. Я вытаскиваю картошину и сую ему в рот. А он хватает. А не пищит, не плачет, а ртом хватает.

Ну, а мы чего, наелись, мачеха нам – уходите. И я больше не видела их. Похоронили обоих. Никто не понял, видимо, что они живые были. До больницы три километра идти, это надо в колхоз сначала, лошадь просить запрячь. Это кто-то все должен был сделать, а кто-то тут сидеть с ней и с детьми. А дедушка старенький уже был, еле ходил. И я промолчала, не сказала. Отец приходит с работы, она его накормила, он пошел, сколотил ящик, положил, на плечо поставил и понес хоронить.

А потом уже она родила Васю. Нас дедушка к себе, конечно, утащил. А мороз был страшный, солнышко, но мороз. Дедушка пошел под яблони, а там кошелка. А он корзинки всякие, кошелки плел. Кошелка вот такая большая. Это в ней навоз носили, чтобы топить им печь. Леса-то в Воронеже нет. Поэтому топили навозом, и никакого запаха никогда не было.

Ну вот, и вот дедушка говорит: Мороз-то какой! Я пошел, смотрю, под яблоней стоит моя кошелка. Я заглянул, а там полно на яблоне снегирей. Они, говорит нам, притащили ребенка.

И он, Васька-то, завернутый. Мы вот так заглядываем. Ой, правда, маленький какой. Да, а как же его птицы затащили? А дед, говорит, так их там много было!

Ну и вот, мальчик-то прибежал, сказал бабе, мачехе-то, что отца милиция забирает. Она как держала Ваську на руках, ему 4 месяца было, сразу на травку посадила. Посмотрите, мол, за ним!

А накануне отец пришел с работы и принес метр-два новой веревки. Откуда он ее взял, зачем? Коноплю же у нас растили. И пряжу из нее делали, нитки. Подошву обуви он ими чинил. И наркоманов не было. Никто не знал, что ее можно еще и покурить.

Веревка висела прямо на гвоздике в сенях. Мачеха подумала, что за нее сажают его, что он украл ее. Схватила ее с крючка и побежала.

Ваську бросила нам на траву. И побежала в огород закапывать веревку. А на второй день пошла туда в тюрьму на свидание узнать. Что случилось? Он ей рассказывает.

А ничего не случилось! Ну, с обеда пришел. Вот так и так, как было. Натрескался, как попов щенок. Больше ничего не было.

Но суд моментально организовали. Суд в этой же конторке. Это я уже со слов рассказываю, конечно. Я там не была.

Все село собралось. Все знали судьбу его, отцову. Все знали его как добряка. Он и силач, он и помощник всем.

Да что, добрый был мужик. И суд мигом. И этот же тут присутствует. Когда судья зачитал, за что садить вину-то, обвиняется за что, объявили, он как вскочил, как говорит, стукнул по столу, ну, как-то выругался. Сказал этому, который стуканул на него:

«Запомни, я отсижу законно, но выйду, сразу тебе башку отрублю и буду сидеть хоть сколько тогда». И тут его забрали и все.

А в суде сказали будто он портрету Сталина свой член показал. Надругался над портретом вождя. Тьфу.

Дача нашей семьи – это логово бабы. В ней много предметов сомнительного искусства времени ее молодости. Эти однотипные портреты каких-то людей, картины-панно с японскими гейшами, несколько картин с какими-то лесными феями-русалками. Не знаю, откуда они взялись, но всю жизнь, что я себя помню, эта галерея висит в коридоре к деревенскому туалету. В детстве мне надо было очень быстро пробежать по нему, чтобы успеть запереться и сделать спокойно все свои дела, потому что за мной гнался старший брат. Ему хотелось помешать мне. И вот, я всегда задевала картину с девушкой-русалкой. Русалка там под водой со своим друзьями рыбками, а на берегу на водную гладь смотрит девушка.

Баба:

Как нашего отца забрали, сразу война началась.

Идет мимо нашего дома знакомый с завода и говорит: Катька (это мачеха), Ванька со станции идет! (это отец).

Всех, кто в тюрьмах сидел на войну отправляли. На одни сутки попрощаться отпустили. На одни сутки всего.

Ну, ночь ночевали. Утром встаем. Машина уже военная едет. Мы, значит, прощаться. Я как вцепилась в шею, как меня не уговаривали, как меня не отрывали.

И все, последний раз тогда я его видела.

Их забрали, всех заключенных, и отправили не на фронт, а снабженцами. Идти за нашим фронтом, в деревнях собирать продукцию, кормить их. Но он немного так поработал, потом пошел уже воевать.

И письма писал. У него был друг с Уфы, они неразлучные были друзья.

Они с ним поклялись, что если кто первый погибнет, семью другого не бросать. Он, этот товарищ его родом из Уфы, так и делал до конца.

А отец, когда ушел воевать, сказал, я не уйду, пока не дойду до Берлина.

Мы переписывались все время. Карточку я ему как-то послала, она у меня до сих пор есть. Я написала на обороте: «Папа, посмотри, какие мы хорошие».

Мы там с сестрой, братом и с мачехой.

Отец пропал на войне, погиб. А товарищ его Уфимский дошел до Берлина.

Посылки нам присылал. В то время в деревнях никакой одежды особо не было. А он нам какие платьишки присылал! Немецкие! Какую обувь! Потом стал, серебряные вилки-ножи присылать. Какую-то посуду. А письма какие писал! И пишет на меня или на сестру. А мачеха сердилась.

Пишет, как будто отец родной: как вы учитесь, в чем вы одеты? обувь какая у вас? одежечка?
Мы ему отвечали.
А потом перестал писать.
Помер, видимо.

баба очень больших размеров. Она уже очень плохо ходит.

она похожа на огромный ветхий, но при этом непоколебимый дом.

со своим подвалом, в котором так много всего, что вещи уже не совсем вещи, а сущности. а воспоминания уже так далеки, что кажутся фантастичны.

мир так сильно изменился, что баба кажется в нем камнем, заветшалым сараем, пыльным фотоальбомом, кассетой со смотавшейся пленкой.

иногда баба кажется до того несуществующей, будто образ во сне.

Снится мне как-то сон. Мы спали с сестрой на одной кровати. Лежу, вижу во сне: надо мной папа. Шинель у него вот тут застегнута, а рукава засучены вот так, и он вот так крыльями надо мной. Это его душа летала перед тобой.

Вот так он мне снился. Он меня очень любил.

бабушка и папа меня очень любят.

*своей странной, громкой, местами*и колюще-режущей любовью.

они спрашивают, как у меня дела, чем я занимаюсь, но если я отвечаю как-то, как они сами не считают, или про то, что им не понятно, переводят разговор на себя.

или начинают говорить очень громко, заражаясь своими же мыслями, переходя на крик, ор. ноты, которые вьюжат вокруг моих ушей.
ноты недовольства
ноты давящей ступы семьи
нотная стопа ярости
интонации, которые сложно воспринимать

Баба:

Домик небольшой у нас был. Ну, отец, наверное, не успел его достроить перед тюрьмой, да потом войной. Скотина была у нас всякая. Огород 42 сотки земли тогда было. Чернозём, конечно. Там палку брось сухую, она вырастет. Никакого удобрения никогда не надо было. Поскольку леса нет, вот скотина была, за зиму коровы сколько навоза навалили. Нам за лето надо было весь его засушить на определенном месте. У каждого дома такое было, его называли гумно. Там уже ничего не сажали. Только сушили навоз всё лето. Это топливо. Или с этого дерьма делали вот такой ящичек, как буханки хлеба туда навозом наваливали, делали кирпичи говняные и сушили эти кирпичи. Потом жгли.

Мачеха, когда на работу в колхоз, да на поле уходила, всегда говорила: «приказываю вот это сделать». Приказываю всегда у нее слово было. Чтоб дурака не валяли.

Никогда не обнимала нас. Ой, боже упаси. Она никогда не назвала нас, как бы там Шура, Нюся.

Ой. Только бляди, и проститутки. И страшилы. Вот так к нам только обращалась.

Нюська, Нюська, а что, а что это такое проститутка? – я так вот у сестры спрашивала, маленькая же была.

А Ваську то, сына своего родного. Да кто знает, как она его любила. Ну, по-другому относилась. Ну, как маленький был, да.

Но не забуду такой момент. Сколько ему было? Ну, наверное, может, года четыре, когда она его взяла за ручку, а он плакал так, и ножками болтал, и только иногда пальчиками земли касался. За что он у ней такой провинился, такая крошка?

Она идет, его по голове лупит, а он лапками машет, как лягушонок. Она его за одну руку держит, волокёт. И всё ругается, кричит. Приволокла, а я сидела там, ну, сказать разве мы можем? Она бросила мне его и ушла.

А он захлёбывается, кричит. А я глажу по головке. А у него как сосисочками вся головка. Вот так избила родного сына.

А меня, сколько раз руку вывихивала. За руку, как котёнка швыряла. Ой, била. Это было ее самое любимое занятие.

Мы с сестрой, конечно, держались друг за дружку. Особенно после войны, когда приехали с эвакуацией.

Дом пустой. Одна железная кровать, стол деревянный, лавки деревянные, шкафчик деревянный. Все сковородки драные, ни одной кочерги. Кому это все надо было? Буквально пустой дом. Начали жить только благодаря дедушке. Он рукастый был, все умел делать.

А у нас аэродром рядом, без конца самолеты падают. Упал самолет – мы бежим скорее, кто успеет кусок парашюта себе забрать, у того будет, значит, платьишко или кофточка.

когда мы были маленькими с братьями, было сложно купить одежду. это были 90е, поэтому баба нам много шила.

я помню свой огромный красный зимний пуховик, который был мне большим несколько лет подряд. но я его все равно носила. помню, что в один год, когда он стал по размеру, я удивилась. что он может казаться меньше. я любила его. в этом огромном красном мешке мне всегда было уютно.

еще помню несколько платьев на лето. они были прекрасны – с фонариками на плечах и вставками из разных тканей. сейчас это называется ресайкл.

несколько шапок и шарфов, связанных бабой.

какие-то штаны. осенние куртки.

все это шила нам баба.

в какой-то момент я подумала, что может во мне тоже зашита тяга к созданию одежды? и записалась на занятия по шитью. сшила себе накидку, она даже была модная. я любила ее носить и любила всем рассказывать, что сшила ее сама. но шитье не полюбила.

Баба:

На печке раньше зерно сушили. Ну и между кирпичей-то щелочки. Мы с Васькой каждую проковыряли, искали, не затерялась ли хоть семечка, так есть хотелось.

Вдруг одну нашли. Пшеничная пшеница. Пополам разрезали. Съели. Наелись.

На чердаке всегда мешок фасоли раньше стоял. Мы фасоль очень любили.

Полезли туда. Там в мусоре набрали фасолек сколько-то. Обрадовались. Смололи.

И мать нам напекла лепешек. И мы съели. И все травануились. Вот такие животы.

Понос рвота. Температура под потолок. Страшная диарея.

Когда врача вызвали, оказалось, что надо было лучше съесть эту фасоль вареную, ну или холодными эти лепешки. А горячие они почему-то вот, чуть ли не смертельные.

Солому ели тоже. Мачеха на противне соломы обычной в печку поставит. Она вся стлеет, перетрёт её. Водой взяла, смешала, оладушек испекла, и мы съели.

Мальчик соседский как-то этих оладьев переел, у него из попы закровоточило, так он скоро помер маленький совсем.

А Ваське нашему я как-то попу смолой заклеила.

Он маленький был, мачеха куда-то пошла и посадила его на меня. А я боялась, он меня обкакает. Ну я взяла смолу с печки, она клейкая очень, и заклеила ему попу этой смолой. На всякий случай. Это не больно, ничего, она мягонькая, как пластилин.

Она пришла, его схватила, на руку. Ой, что-то глянула, а что такое? В попу заглядывает. А что это у него? Да я заклеила. Зачем? А что вдруг он меня обкакал? Как она отмывала, не знаю.

Но меня не била в этот раз.

На даче нас кормили на убой. Это было проявлением любви. До сих пор это – проявление любви для бабы.

Каждый вечер она делала нам с братьями горячие бутерброды. По три штуки каждому. На белую булку выкладывался сгусток из майонеза, и протертых на терке докторской колбасы и сыра.

Было вкусно и жирно. Думаю. сейчас, мой желудок бы не справился с таким, тем более в 10 вечера.

Баба:

А потом эти вот мидии-то, ракушки. Наступить нельзя нигде было, их слой под ногами. А мы не знали, что это такое. На берег натаскали и думали, что ж это такое.

Надо посмотреть, вот разбить что. Стали их колотить, не разбить ни за что. И так стали открывать.

Руки все порезали, никак. Бросили, ушли. Отошли, а солнце жарко. Они раз, раскрылись.

Мы догадались. Кипятком обдадим их, они все и раскрылись. Мы их тут же на колышек, над огоньком и в рот наглотаемся.

А сейчас они считаются дефицитом. Такая вкуснятина.

Потом спасли нас суслики.

Детей у всех было много. И у кого-то были мальчишки чуть побольше нас. Кто-то поймал из них первого, и пошла молва.

Ой, суслики. Пошли мы с Васькой. Он еще маленький был.

Поле, вокруг овраги громадные. Где-то когда-то я слышала, что якобы сколько-то столетий на этом месте когда-то океан был. И вот эти овраги громадные, чабрецом все заросшие. Аромат такой. А цветы какие красивые там растут дикие.

А сусликов как ловить надо?

Сначала надо его разглядеть, суслика то. Вон, стоит у норки своей.

Подобраться к нему, залить норку водой. Он вылезает оттуда, а ты схватываешь его за шейку, за шкирку. И сразу по башке. А они кусаются, ух как! Мы с Васькой вечно все обкусанные ходили.

Мать то его, мачеха моя, поначалу и отпускать не хотела. Чтобы лучше дома работали, не всегда же возвращались с добычей. Да и варить не в чем было. Всего один чугунок, боялась она его испоганить. Но потом голод верх. Да кто-то дал ей еще один чугунок.

Какой аромат по всей избе пошел мясной-то!

А какие они жирные такие, толстые. И он сидит, Васька, как сейчас мне передо мной эта картина. около окна, и его взял целиком. У него капает прям жир. Он его с таким аппетитом. А я тоже сначала никак не хотела. А тут запах, такой жир, голод взял свое.

Не помню, чтобы меня баба обнимала. Наверное, только когда я маленькая была. И то не помню точно, но кажется, что это были рывкообразные короткие прикосновения. Как если представит, что тебя обнимает человек, который только недавно научился обнимать. Сейчас баба не двигается, она не может подойти сама к тому, кто к ней приехал. Сейчас баба – огромная неподвижная рыхлая и мягкая. Каждый раз, когда я приезжаю к ней, я подхожу к ней, словно к какому-то божеству типа Будды и целую ее щеку. Она отвечает всегда игриво.

Баба:

Случилось это впервые с сестрой. Я ничего не знала об этом. Никакой ваты, никаких тряпок не было. Затыкали газетами. Заложил, потом трусы надеваешь.

А ту сестра какую-то тряпку взяла. Ой, какой шум поднялся, такой скандал. В сенях. Она додумалась грязную-то заткнуть между бревен, чтобы не жечь, никуда не выбросить, чтобы мачеха не увидела, что это тряпка. Ну и в итоге она ее нашла грязную, кровяную в бревнах в сенях.

И я выхожу, думаю, что смотрю, она этой тряпкой-то машет, а сама ругается, орёт. Ну, я скорее убежала, чтобы мне не попало.

Потом только я раскусила.

Из тактильных совместных опытов – летом я драю бабину спину мочалкой в бане. Баба привстает, держась за скамейку, ее живот сильно свисает вместе с грудями. Я прохожусь по спине и ногам. Все ее тело в рытвинах и узелочках, в шишках. Я постоянно переспрашиваю бабу, не больно ли ей, и каждый раз она отвечает, что можно посильнее. Она крехтит от удовольствия, а я нажимаю на нее со всей силы.

Еще, почти каждый приезд я обрабатываю бабе ступни. С начала мая по конец сентября баба почти не пользуется обувью. Ее пятки, подошва стоп – очень жесткие, с въевшейся землей, с остатками всей памяти нашей семьи и рода, со скорлупками и чешуйками всех доисторических существ. Я натираю ее пятки железной теркой, переспрашиваю бабу каждые 30 секунд не больно ли ей. Она в ответ смеется от щекотки. Потом я пытаюсь подстричь ее ногти на ногах, но это еще сложнее. Мне не хватает сил, а ножницам не хватает остроты. Делаю я это в резиновых перчатках. Мне немного стыдно за перчатки.

В один из последних дней прошлого лета мы сидели в беседке и я смотрела на руки бабы. Они такие же объёмные и фактурные, как и ее пятки. Я смотрела на них и думала, что ни разу не помню, чтобы брала их в свои руки. Чтобы касалась их. Я не знаю, какие они на ощупь.

Баба:

А вечерами света не было. Керосина не было, чтобы свет. Вязать надо было, это же война, носки, рукавицы посылать на фронт. Вот я с такого детства это сидела, вязала всё.

И сейчас я тоже до сих пор не могу сидеть, чтобы руки не работали. Или порвать что-то, или резать, или вязать, но что-то надо ими делать.

Да вот недавно сама себе удивилась. Раньше носок 45 размера вязала за одно кино. Фильм закончился – носок готов. Тут позавтракала, села где-то в десятом часу утра к телевизору, взяла в руки пряжу, все. И что-то вяжу, а носок не получается. И так, и сяк. Вот уже шесть часов вечера, я обалдела. Никак не запустился носок. Руки забыли. Глаза не увидели.

Когда все бросила, встала, а передо мной куда ни гляну, только пыль серебристая вокруг летит. Ничего не вижу и все.

Потом меня к врачу свозили. Он мне упражнение сказал делать.

Лечь на спину, вот так пальцы вот сюда, ну хоть вот под брови, ну не сильно нажимать, но нажать. И на спинку лечь и до 60 сосчитать. Я утром сделала, вечером пыль исчезла.

Но вязать так и не смогла.

это был один из самых честных и спокойных разговоров с бабой. мы смотрели нашу кассету с видео тридцатилетней давности, и баба стала рассказывать про свое детство.

я ее почти не перебивала, и баба говорила спокойно.

чаще всего это не свойственный ей тон.

основной язык в моей семье – язык раздражения.

ковер связанных воедино смыслов и людей

тональность произносимых фраз выше си бемоль.

громкость произносимых фраз – та, которая не комфортна стандартным ушам.

вокалисты этих песен раздражения – папа и его мать, моя бабушка.

я прошу говорить со мной потише

есть табуированные темы типа моей личной жизни

моей жизни в целом

война, она же сво

мои планы на ближайшие годы

и еще много много всего

я прошу говорить со мной потише

чтобы внутрь не залетали куски, сгустки чужих неустроенностей

несбывшихся жизней

чтобы меня не разъело кислотой обид

чтобы вещество агрессии не вдарило мне в мозг

в нашей семье есть несколько кассет с видеозаписями из моего детства

благодаря им я помню несколько эпизодов

нас трое детей – я и мои двоюродные братья

на даче многолюдно, запахи семьи, поначалу по-хорошему шумно

там мой папа, моя бабушка, мой дядя

это багровая сочная осень нулевых

все яблони в плодах

папа и дядя собирают всех нас в город

у машин открыты багажники, туда попадают тыквы, кабачки, картошка, яблоки

вертится собачка

бабушка крутится на кухне, готовя на всех обед перед отъездом

только когда я стала старше, я услышала, что многие говорят на других языках в семьях

эти языки бывают тише и спокойнее

внимательнее и погруженнее

наш семейный язык стал мне слишком громким

оглушающим

он въедается мне под кожу и делает из меня существо, которое может спокойно прогрызть чужую глотку

мы вертимся детьми у всех под ногами

нам весело от этих сборов

на видео слышно, что бабушка устала и раздражена

она постоянно на повышенных тонах обращается к каждому из нас

мы должны принести ей то, подать это

между играми друг с другом мы идем по ее запросам

я до сих пор боюсь, когда меня кто-то просит

что-нибудь принести

потому что бабушка постоянно посылала нас с братьями за каким-нибудь предметом

она объясняла что именно мы должны принести и где это лежит

но дача – разверзнутая скала

а предметы в ней – несуществующие зубы хищных птиц

ведра в форме грифонов

тазы-озера-болота

сарай – ужасное место, из которого можно и не вернуться

но нам нужно было что-нибудь принести

и если ты долго не мог найти

и уж если ты так и не находил

и возвращался ни с чем

на тебя орали, обзывали беспомощным и тупым

ребенок. тупой беспомощный ребенок не смог найти ебучий ржавый таз в темном непроходимом кишащем пауками сарае

хор кричащих друг на друга людей

вой раздражения

фуга агрессии

до минор ре бемоль хуйоль

сложно находится в подобном вареве на остранении

когда я стала старше, особенно в пубертате

я стала чувствовать желание въебать по головам, выколоть глаза людям, которые орут на меня

оттолкнуть взрослого огромного великана, который не справляется с собственным тембром

и орет орет орет захлебываясь тем как нам тут всем вокруг жить

и тем что снова не найден ебучий ржавый таз

мой папа и моя бабушка очень похожи

я – очень похожа на них

иногда (часто) я тоже ору на людей вокруг за то, что они не могут найти что-то вокруг себя, за то, что они не такие, какими я бы хотела их видеть.

я делаю усилие каждый раз, чтобы не доходить до децибелов папы и бабушки, если не получается этого делать вовсе

бабушке сейчас 95 лет

я вижу в ней гору, океан и будду

чувствую в ней весь свой род, в мякише ее живота и в устье рта

я думаю, что я не имею право говорить «нет» человеку, которому 95 лет

да простят меня все психологи мира

поэтому иногда терплю вылитый на меня густой поток боли и злости

баба столько пережила, что уж эту жидкую затхлую струю я точно переживу

бабушка – это баба

баба – старая кошка

мудрая наша огромная история семьи, в которой много разного

но и любви тоже

она мурлычет перед тем, как лечь спать

и засыпает, мягко вдавливая свои кулачки в мягкую подушку.

бабу закопают в лесу

там, где уже лежат ее муж и его мать

как кошку

но еще чуть попозже

надеюсь, как можно позже.

Санкт-Петербург, январь 2026